

Он любил ветер

К. с. с. правза. - 1991 - 23 апр.
Сегодня исполняется 100 лет
великому русскому композитору
Сергею Прокофьеву

В эту ночь он так и не заснул. Сквозь оттаявшее оконное стекло темнел ночной сад. Влажный ветер раскачивал обнаженные ветви. Когда-то в юности Прокофьев любил эти южные ветры среди зимы. Они приносили свежесть и радостное предчувствие скорого лета. Сейчас оттепель будто навалилась на него всей своей сырой тяжестью, кровь приливала к вискам, немели пальцы.

Сегодня приезжали из Москвы сыновья Олег и Святослав. Они сообщили об аресте матери. Сергей Сергеевич и Лина Ивановна давно уже не жили вместе, годы сгладили все неприятное, связанное с разрывом. И вдруг это страшное известие. Нахлынувшие воспоминания вырвали из привычной обыденности.

На одном из нью-йоркских концертов он был представлен молодой знакомой Рахманиновых — Лине Кольдина. Как давно это было! Молодым, двадцатисемилетним композитором уезжал он из революционной России, мечтая покорить мир. Пересекая взбаламученную гражданской войной Сибирь со «Скифской сюитой» и Первым фортепьянным концертом в чемодане, он был несколько не озабочен происходившим вокруг. Музыка и он в ней — вот единственное, о чем стоило волноваться и размышлять. Он думал, что покидает Россию на несколько месяцев, оказалось, что на 18 лет. Бедная Лина, он чувствовал себя отчасти виноватым в ее судьбе. Не вернись они сюда всей семьей в тридцать шестом — сложилось бы все иначе. Но и ее привлекала загадочная и непонятная Россия.

Заклеенные на зиму окна не пропускали ни звука. Прокофьев осторожно, чтоб не разбудить никого в доме, встал, подошел к столу. В неверном, ночном свете смутно белели разложенные с вечера листы партитуры новой оперы. Несмотря ни на что, надо работать. В Ленинграде в Кировском театре ждут «Повесть о настоящем человеке».

Не один уже сезон идут «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Обручение в монастыре», первая часть «Войны и мира», услышаны в концертных залах Седьмая и Восьмая сонаты. Исполнена Шестая симфония, объявлена в репертуаре сезона Пятая. Прокофьев — лауреат Государственных премий, народный артист РСФСР. И все это создано здесь, не на чужбине.

Прокофьев перебирает нотные листы, газетные вырезки, рецензии, но что это «...мнимое новаторство», «...формалистическая музыка», «...ослабление связи искусства с жизнью народа», газетные строчки запрыгали перед глазами, наполнив одна на другую. Опять попала эта газета. Недремлющий ЦК добрался и до музыкантов, после созданного им совещания деятелей советской музыки, в феврале вышло это постановление, где Прокофьев вместе с Шостаковичем, Хачатуряном, Шехалиным бездоказательно и несправедливо был назван представителем антинародного формалистического направления.

Как работать дальше? Всю жизнь он изобретал новое, искал простоту, но более всего боялся при этом впасть в тривиальность, в перепев уже ранее сочиненного. Как бунтарь, он ворвался в музыкальную жизнь начинающего века. Критики его иначе и не называли, как «фортепьянный футурист». От них ему доставалось здорово, писали издевательски, оскорбительно, но Прокофьев к их наскокам относился довольно равнодушно. Его влекли поиски новых ритмов, интонаций.

Что же сейчас, почему так тоскливо занято где-то внутри? Глумливые статейки до-революционных критиков несколько не походили на эти великодержавные строки. Полно, критика ли это? А может быть — приговор?..

И все-таки он не сдает свои позиции, он будет защищать

свое право композитора на поиски нового мелодического языка, даже если этот язык не будет сразу понят.

Разве в начале пути было легче? Тогда еще музыка несравненного Вагнера казалась многим взвинченной. Публика любила слушать романтических Шопена, Шуберта, Моцарта. А он не понимал, как можно любить Моцарта с его простыми гармониями. Его влекла динамика, сила, логика, ясность, точность. Хотелось ворваться в этот спокойный благодушный мирок меломанов упругим ритмом, озорными «скачками» и «выстукиванием».

А вот и фотография тех лет. Прокофьев вглядывается в дерзкого молодого человека. Только он додумался сфотографироваться на фоне скульптурного бюста Моцарта. Как всегда аккуратно одет и безукоризненно причесан, в глазах вызов и насмешка. Это, кажется, было на консерваторском балу. А через четыре года состоялось его первое выступление с оркестром как пианиста. Исполнял он свой Первый фортепьянный концерт. Музыкальный вечер был объявлен на 25 июля. Пришлось прервать студенческие каникулы. В вагоне поезда стояла невыносимая жара, в довершение всего ночью у него выкрали летний костюм и с ним прихватили фразные брюки. В чем выйти к публике? С чего начать московские гастрели: с поиска портного или репетиции с оркестром? Оркестранты недовольны, партии некоторых инструментов написаны в непривычном ключе, им еще никогда не приходилось исполнять такую музыку. Дебютант же, напротив, нервничает оттого, что оркестр бесстыдно врёт.

И вот наконец наступил вечер концерта. Юный Прокофьев старается скрыть волнение под холодным равнодушием, от этого он выглядит еще самоувереннее. С гордо поднятой головой, элегантно и подтянутой, походкой гимнаста он быстро выходит на сцену.

Быстрый поклон, и пианист бросает свои длинные руки на клавиши. Слушатели буквально смяты волевым порывом оркестра и солиста. В чеканном ритме совершенно новые пассажи. Кто-то шикает, кто-то уходит из зала. Успех это или поражение? И все-таки успех, скандальный успех! Шокированная публика вызывает дебютанта на бис. Не сразу, конечно, оценили этот концерт по достоинству. Критика упрекала автора в погоне за внешним блеском, а концерт в некоторой «футбольности».

Прошли годы, и его первенец украшает программы лучших пианистов мира, его готовят к конкурсам молодые музыканты.

Так, значит, он был прав, посылая к черту весь академизм очередной «Скифской сюитой». Не послать ли и сейчас туда же все ночные страхи. Уже совсем рассвело, надо работать, Прокофьев решительно подходит к инструменту.

А как же Лина? А как же старый дружище Мейерхольд? Почему опять эта противная слабость в ногах?

Нет, он уже стар и к тому же болен. Сейчас в Москве проходит съезд композиторов, вот повод! Надо им сказать, надо написать, чтоб они узнали. Где ручка? Где бумага? Да вот, конечно, именно так, он так и напишет о своей готовности служить общенародному делу, удвоить усилия в поисках музыкального языка, понятного и близкого массам, музыкального языка «достойного нашего народа и нашей великой страны».

Будто кто-то водил его рукой, чужие, странные слова ложились на бумагу, но он писал, и тревога отступала.

...Он умер 5 марта 1953 года. В этот день страна скорбела о другом...

Г. ВАСИЛЬЕВА.